

Шемякин суд

Основано на издании 1882 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/shemyakin_sud/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Шемякин суд

Жили-были в одной деревне два мужика: Ерёма да Фома. Ерёма – голытьба голытьбой, ни гроша за душой. А Фома зажиточный, денежка у него в кармане всегда водилась. Вот пришла зима сиволапая: затрещали морозы, завьюжило, снег повалил. У тех, кто дровами с осени запасся, в домах тепло. А Ерёма лежит на нетопленной печи, в кулаки дует да думает:

— Ух, как холодно! Так я до весны не протяну, придётся в лес за дровами ехать.

А на чём ехать-то? Лошади-то у него нет! Пришлось Ерёме к Фоме на поклон идти.

— Одолжи, – говорит, – соседушка, кобылку. Надобно мне в лес за дровами съездить, не то совсем замёрзну!

А у Фомы настроение как раз благодушное было.

— Изволь, – отвечает, – бери да поезжай.

Поблагодарил Ерёма соседа, взял кобылу и повёл её к себе. Идёт да думает:

— Эх, какой же я растяпа! Лошадь-то я выпросил, а про хомут забыл! Как же я её запрягу? Коли ещё раз к Фоме пойду, рассердится он да лошадку отберёт. А если у других соседей просить, смеяться будут, скажут: что за глупец, лошадь попросил, а про хомут забыл! Да к тому же чужой хомут может соседской кобыле и не подойти.

Думал он, думал и придумал – голь-то на выдумки хитра! Привязал лошадь к саням за хвост, перекрестился да поехал в лес. Нарубил дров и домой отправился. Стал во двор заезжать, а доску, что щель между землёй и воротами прикрывает, вынуть забыл. Лошадь то прошла, а сани упёрлись и ни туда, ни сюда. Мужик кобылку поднукнул, она вперёд рванула да не сдюжила – сама во дворе оказалась, а сани на улице вместе с хвостом и остались.

Сидит Ерёма, затылок чешет. Как же теперь Фоме на глаза показаться? Что он скажет? Брал сосед лошадь с хвостом, а отдаёт без хвоста. Но делать нечего: побрёл Ерёма к Фоме, повёл за собой кобылку бесхвостую. Как увидел сосед такой срам, закричал благим матом – так громко, как только богатые на бедных кричать умеют. У Ерёмы аж ноги подкосились от страха.

— Да как ты смел?! – верещит сосед. – Как дерзнул?! Как ты мог моей лошадушке ненаглядной хвост выдернуть?!

Кинулся Ерёма Фоме в ноги, плачет, умоляет, говорит, что кобыла сама себе хвост выдернула, просит побить его да простить. Только нет растяпе пощады!

— Не буду я тебя ни бить, ни прощать! Отведу к судье Шемяке! Пусть он нас рассудит. Что велит, то и будет!

Ухватил Фома соседа за шиворот да потащил судиться. А Ерёма еле ноги волочит,

спотыкается, думу горькую думает:

— Эх, и так жизнь не сахар, а сейчас ещё судья прикажет меня до нитки обобрать. Что мне тогда делать? Вообще с голоду помру! Чем в таких муках жить, лучше с моста вниз головой сигануть. Перекрещусь да брошусь в прорубь, поминай тогда, как звали!

Только поравнялись они с серединой моста, стал Ерёма соседа просить:

— Постой, Фома! Никто не знает, чем суд закончится. Может, упекут меня в тюрьму, и неведомо, когда я ещё волю увижу. Разреши мне хоть на церковь Божью перекреститься, её отсюда хорошо видать!

Отпустил богач бедняка, тот шапку снял, на перила её положил да как махнёт с моста – только его и видели. Посмотрел Фома вниз, а Ерёма-то жив-живёхонек! Стоит себе под мостом, его за шиворот мужик незнакомый держит, а рядом в телеге кто-то лежит, не шевелится. Сбежал богач с моста вниз и говорит незнакомцу:

— Мил человек, как звать тебя? Что тут вас случилось?

— Зовут меня Артамон, – отвечает мужик. – Ехал я с батькой своим к куму в гости нового пива отведать. Только мы под мост въехали, как сверху этот окаянный свалился. Упал прямо на отца моего да отправил его на тот свет. Старик, небось, даже пожалеть не успел, что перед смертью пива не попил.

— Что же ты делать теперь собираешься?

— Да отведу этого прыгуна к судье Шемяке, пусть он ему покажет, как с мостов, не глядя вниз, бросаться да добрых людей давить!

— Э-хе-хе! Так нам с тобой по пути! Я как раз этого непутёвого к судье вёл за то, что он моей лошади хвост оторвал. Теперь лиходеи нам за всё ответят!

Поволокли Фома с Артамоном Ерёму дальше. Добрались до места и видят на доме богатом огромная надпись: «Дом правосудного судьи Шемяки». Ворота настежь распахнуты, а от них до самого крыльца дубового дорожка от снега, песочком присыпана, чтобы людям удобно было, не скользили да не падали. Переглянулись мужики:

— Ай, да судья Шемяка! У нас даже к старосте так запросто не попадёшь! А тут эво-на как, всякому вход открыт: и бедному, и богатому.

Только посетители в ворота войти хотели, как им земский ярыжка путь преградил.

— Стоять! – кричит. – Сперва прочитайте, что на столбе написано, а потом уж идите.

Смотрят Фома с Артамоном: по обе стороны ворот врыты два столба высоких, а на них листы прибиты с такими крупными буквами, что даже слепой увидит. Переглянулись мужики, плечами пожимают, а прочесть не могут. Говорят они тогда ярыжке:

— Рады бы мы прочитать, да грамоте не обучены.

— Ну, так слушайте, что я вам прочту: «Никто из жалобщиков, к судье Шемяке при-

ходящих, никаких взяток никому давать не должен. А если кто-то попробует запрет нарушить, то предстанет перед судом по обвинению в подкупе».

— Ах, какой же честный человек судья Шемяка! – обрадовались посетители.

Только хотели дальше пройти, а земский ярыжка их не пускает, руку протягивает да требует:

— Ну, а теперь давайте по алтыну за прочтение!

— Как так – давайте? Ты же нам сам прочитал, чтобы взятка не давали! – удивились Фома с Артамоном.

— Да разве ж я взятку прошу? Я по закону требую! Вы же грамоты не знаете?

— Не знаем...

— Вот и платите за мою услугу!

— А если бы мы читать умели?

— Тогда вы должны были бы заплатить за то, что сами прочитали! И нечего спорить! Давайте деньги, а не то так дубинкой по вашим лбам съезжу, что забудете, как вас зовут! Да ещё в тюрьмах насидитесь за ослушание да за своеволие!

Делать нечего: вынули просители свои мошны, заплатили по алтыну.

— Теперь ступайте к другому столбу!

Подшли Фома с Артамоном к другому столбу, а там второй ярыжка стоит.

— Знаете грамоту? – строго так спрашивает.

— Нет, – вздохнули посетители.

— Тогда слушайте: «Каждый жалобщик, приходящий к судье Шемяке, имеет право быть допущен к нему в положенные часы. И никому не разрешается уйти отсюда без подачи жалобы. В противном случае посетитель будет признан виновным и пойдёт под суд».

— Понятно.

— А теперь платите по алтыну за объявление. И не смейте отпираться, иначе будете обвинены в непослушании!

Переглянулись Фома с Артамоном, вздохнули и ещё по алтыну заплатили.

— А ты, мужичок, почему денег не даёшь? – спрашивает ярыжка у Ерёмы.

— Так у меня нет ничего, – отвечает бедняк.

— Тогда не смей тогда к судье Шемяке идти, коли за прочтение приказов не платишь!

— Да я и не желаю к нему идти! Вы мне, господин земский ярыжка, подзатыльник отвесьте да прогоните отсюда!

— Ну, за этим дело не станет! Подставляй затылок!

Тут Фома с Артамоном испугались, что Ерёму за ворота выставят, стали ярыжке в но-

ги кланяться:

— Любезный, мы этого мужика к судье Шемяке ведём! А если ты его прогонишь, над кем же суд вершиться будет?

— А мне какое дело? Платите за ответчика, иначе я его не пропущу!

Снова просителям пришлось мошны развязывать да по алтыну с брата за Ерёму отдавать.

— Всё на лиходее нашем выместим, – думают, – когда у судьи окажемся.

А бедняк тем временем поднял у ворот камень увесистый, завернул его в тряпицу и за пазуху себе сунул. Подхватили его Фома с Артамоном за шиворот да по дорожке, песком посыпанной, к крыльцу отправились.

— Стоять! – тут же закричали другие два ярыжки, которых с улицы и не видно было. – Куда направляетесь?

— Так к судье Шемяке! – отвечают мужики.

— Давайте по три алтына!

— Да за что же?

— За вход на судейский двор!

Переглянулись просители.

— Ну что, Артамон, будем платить? – спрашивает Фома. – Может, назад вернёмся?

Артамон только было рот раскрыл, а ярыжки снова кричат:

— Тогда платите по шесть алтынов за выход!

Вот попали мужики, так попали... Ни вперёд, ни назад! Шагу не ступить, чтобы не заплатить! Один Ерёма не расстраивается: денег-то у него всё равно нет! Что ему сделают? Дадут взашей да выгонят, делов-то! Он к тычкам да пинкам привычный, ещё разок потерпит, не сломается. Вздохнули Фома с Артамоном, заплатили за себя да за Ерёму по три алтына и пошли по дорожке к крыльцу. А там уж их главный ярыжка встречает, никто даже и не заметил, откуда он взялся.

— За то, что шапки не сняли, – кричит, – платите штраф по пять алтынов!

Ох, беда-беда... Дорога-то к судейскому крыльцу чистой да широкой кажется, а как ступишь на неё, ярыжки словно из-под земли появляются да ужами вёрткими в карманы лезут.

— Послушай-ка, любезный, – говорит Фома главному ярыжке. – Читали мы приказ у ворот, чтобы никому взятки не давать, иначе нас в подкупе обвинят!

— Да разве ж вы взятки кому-то давали, кого-нибудь подкупали? Ну-ка рассказывайте! И вам, и тому, кто брал, не поздоровится!

— Заплатили мы по алтыну у первого столба.

— Так то за прочтении.

— А потом по алтыну у второго столба.

— Это за объявление.

— А ещё мы дали по три алтына, когда во двор вошли.

— Это за вхождение.

— А ты, любезный, за что денег требуешь?

— За то, что вы у крыльца шапки не сняли!

— А если бы мы сняли?

— Так заплатили бы за «здорово живёшь».

— Это как это?

— Дык я приставлен тут стоять да всякому, кто к крыльцу подойдёт, «здорово живёшь» говорить. А за это нужно заплатить по пять алтынов.

— Эх, была не была! – заплатили мужики, сколько велено, поднялись на крыльцо высокое да к двери запертой подошли.

Только стукнули раз, как из-за двери голос сиплый раздался:

— Гривна!

Стукнули ещё раз, и опять тот же голос:

— Другая!

Стукнули в третий раз, снова этот же голос сипит:

— Третья!

— Ой, Артамон, – молвил Фома, – не на наш ли карман это насчитывают?

— На ваш, на ваш! – произнёс кто-то из-за двери.

Потом окошечко маленькое отворилось, а оттуда костлявая рука, крючком изогнутая, протянулась.

— Ну-ка, положите по три гривны с брата! – просипел невидимка.

— Да за что же, любезный? – удивились просители.

— А за то, что в положенные часы пришли. Разве не читали приказ у входа?

— Артамон! – зашептал Фома. – А не пойти ли нам назад?

Не успел Артамон ничего ответить, как из-за двери снова слышалось:

— За напрасное челобитье положите-ка по шесть гривен!

— Отворяй двери, тогда деньги получишь! – говорит Фома.

— Нет, сперва заплатите, тогда отворю!

Положили мужики по три гривны, а дверь не открывается.

— Ну, что ещё? – спрашивают. – Ты деньги взял?

— Взял! – отвечает невидимка.

— Так отворяй!

— Погодите, надобно ещё дьяку доложить.

— Так иди да докладывай!

Снова рука протягивается, а дверь не открывается.

— Ты почему докладывать не идёшь?

— Экие вы неразумные, – сипит невидимка. – Это не я должен доложить, это вы по гривне с брата должны для дьяка доложить! Тогда и открою!

Ещё по гривне легло в костлявую руку. Наконец, дверь отварила. Глядят посетители, а там целый ряд подъячих до самого стола, за которым дьяк сидит, протянулась. Растерялись мужики – не знают, что им дальше делать. Тут первый подъячий руку крючком протягивает и говорит:

— Алтын на отопление судейской!

— Алтын на бумагу для жалобы! – вторит ему второй и тоже руку тянет.

А за ним третий:

— Алтын за запись просьбы!

Тут и четвёртый:

— Алтын за печать!

А потом пятый, шестой, седьмой... Словом, пока посетители до стола дошли, в четырнадцать рук по алтыну упало. Кинулись Фома с Артамоном дьяку в ноги, руки себе заламывают, вопят:

— Смилуйся, отец!

— Зачем пришли? – строго спрашивает тот.

— Жаловаться судье Шемяке.

— На то запрета нет. Справедлива ли ваша жалоба?

— Ещё как справедлива, кормилец!

— А не брал ли кто взятки с вас, пока до меня дошли?

— Нет, отец! Денег много мы заплатили, но взятки никто не брал!

— Это хорошо! А имеете ли вы наличные доказательства в правоте своего дела?

Переглянулись мужики, плечами пожали, головами помотали.

— У меня никаких доказательств нет, – говорит Фома.

— И у меня доказательства отсутствуют, – вторит ему Артамон.

Тут Ерёма смекнул и решил в разговор вмешаться:

— У меня доказательства наличные есть! – говорит.

— А ну-ка покажи, – требует дьяк.

Вынул бедняк камень из-за пазухи, в тряпичку завернутый, да показал, не разворачивая.

— Ладно! – молвил дьяк, встал из-за стола и проводил посетителей в судейскую комнату.

А там судья Шемяка на большой скамье за огромным столом сидит, сам толстый, дородный, лицо красное, борода широкая, ноздри раздувает, бровями играет. С одной стороны на столе чернильница в полтора ведра стоит, а с другой – целая охапка перьев лебединых лежит. Оробели мужики, стоят, в землю кланяются.

— Судья Шемяка! – говорит дьяк. – Бьют тебе челом два просителя на одного ответчика.

— Хм! – хмыкнул судья и поднял нос кверху.

— Никаких наличных доказательств просители не имеют.

— Гм! – пробурчал Шемяка и погладил бороду свою толстой рукой.

— А ответчик наличные доказательства имеет!

— О! – причмокнул судья, потянулся, брюхо вперёд выпятил, голову закинул, ногу на ногу сложил, глазами в потолок уставился. – Объявлено ли посетителям, что взятки не принимаются?

— Объявлено!

— Хорошо! Тогда суд по форме начинается. Жалуйтесь по порядку!

Повалился Фома судье в ноги, стал рассказывать, как сосед у него одолжил лошадь с хвостом, а вернул без хвоста.

— Ну, что, ответчик, скажешь? – спрашивает Шемяка у Ерёмы.

— Я не виноват, что хвост у лошади не крепко держался! А хомут-то мне сосед не дал!

— А чем докажешь?

— А вот этим! – ответил Ерёма и показал судье камень, в тряпицу завернутый.

— Хм, – подумал про себя Шемяка, – сто рублей, наверное, принёс.

Покряхтел, языком поцокал и вслух вердикт провозгласил:

— Ответчик прав! Потому постановляю отдать ему бесхвостую лошадь, и пусть держит её у себя до тех пор, пока снова хвост не отрастёт. А если он хвостатую лошадь отдавать откажется, тогда допускается просителю повторно жаловаться законным порядком.

Стоит Фома, глазами хлопает, понимать отказывается, а судья продолжает:

— Дьяк! Выведи просителя и возьми с него надлежащую расписку, пошлину, приказный сбор и прочее, всё как следует по форме.

Подхватил дьяк Фому подмышки и вывел в подъяческую.

— Ну, а что ты скажешь? – спрашивает Шемяка у Артамона.

Кинулся мужик судье в ноги, стал рассказывать, как они с отцом старым к куму ехали, а Ерёма с моста спрыгнул да старика насмерть придавил.

— И что ты на это, ответчик, скажешь? – обратился Шемяка к бедняку.

— Дык я не виноват, что им под мостом ехать вздумалось, когда я прыгать собрался! Нет моей вины и в том, что старик не увернулся, когда я на него упал!

— А чем докажешь?

— А вот этим! – ответил Ерёма и показал судье всё тот же камень, в тряпицу завёрнутый.

— Хм, – подумал про себя Шемяка, – наверное, ещё сто рублей у него есть.

Посопел, лоб поморщил и вслух вердикт провозгласил:

— Ответчик прав! Потому вот моё постановление: ты, проситель, поди да встань на то самое место, где этот негодяй стоял, а ответчика поставь на то место, где старик ехал, потом спрыгни на него с моста и задави точно так же, как он твоего отца задавил. А если до смерти не придавишь, тогда допускается тебе повторно жаловаться законным порядком.

Стоит Артамон, глазами хлопает, понимать отказывается, а судья уж дьяка позвал и к нему обращается:

— Выведи просителя и возьми с него надлежащую расписку, пошлину, приказный сбор и прочее, всё как следует по форме.

Подхватил дьяк Артамона подмышки и вывел в подъяческую. Остались в судейской комнате Шемяка да Ерёма.

— Ну что, – спрашивает судья, – доволен ли ты моим вердиктом?

— Доволен! – отвечает бедняк.

— Так подавай же наличные доказательства того, что доволен!

— Ну, за этим дело не станет!

Вытащил Ерёма из-за пазухи тряпицу, развязал и протянул Шемяке камень.

— Как? – воскликнул судья. – Стало быть, ты не собирался мне за каждое решение по сто рублей давать, а вместо денег камень, в тряпичку завёрнутый, показывал? Зачем же ты это делал?

— А вот зачем: если бы твой вердикт мне не понравился, я бы этим камнем прямо в лоб тебе и запустил!

Посмотрел Шемяка на камень, перекрестился и говорит:

— Да-а-а-а... Увесистый ты камешек выбрал! Слава Богу, что я решение в твою пользу вынес! Если бы запустил ты мне в лоб этим камнем, наверное, вряд ли бы я выжил... А на чём же ты основывался, собираясь таким образом оправдаться?

— Да на известной поговорке! – отвечает Ерёма.

— Это какой такой поговорке?

— Семь бед – один ответ!

— Да, поговорка верна...

Вздыхнул судья и приказал дьяку ответчика взашей вытолкать да не принимать впредь наличных доказательств без надлежащего предварительного их осмотра. А если кто-нибудь с доказательствами, такими как у Ерёмы, придёт, того не пускать! Потому что... потому что... В общем, велел Шемяка дьяку дальше самому додумать, почему пускать нельзя, и под законное основание то правило подвести.

Вытолкали бедняка из судейской, а у ворот уж его Фома с Артамоном дожидаются.

— Эх, жаль хвоста, да всё-таки лошадь и без хвоста денег стоит. Ерёма, чем брать у меня кобылу бесхвостую, лучше корову возьми дойную! – говорит Фома.

— Ох, жаль отца, да всё-таки собственная голова ещё на что-нибудь да пригодится. Ерёма, чем мне с моста прыгать, лучше я тебе хату тёплую подарю, владей на здоровье! – молвит Артамон.

— Пожалуй! Давно бы так! Право, худой мир лучше доброй ссоры! – согласился бедняк.

Хотя какой он теперь бедняк? И хата у него теперь есть тёплая, и корова дойная. Живёт себе да радуется! А если споры у кого какие случаются, то к судье Шемяке мужики идти опасаются. Пусть взятки он и не берёт, а всё равно словно липку обдерёт.